

Л. Андреев

Океан

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-2
ББК 84-6
Л11

Л11 **Л. Андреев**
Океан / Л. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2184-5

Писатель, прозаик и драматург Леонид Николаевич Андреев - один из самых ярких представителей Серебряного века русской литературы. Его грустные, трогательные, пронзительные, глубокие рассказы учат милосердию, состраданию и доброте.

ISBN 978-5-4241-2184-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л. Андреев, 2021

Леонид Андреев
Океан

Действие происходит в 1782 году.

Картина 1

На океан ложатся мглистые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой – душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушенного, свободного и таинственного пространства. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дымае рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы расседаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стона, ни грохота падения не доносится на землю – чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана.

Тишина и в рыбакском поселке. Рыбаки ушли на ловлю, дети спят и только беспокойные женщины, собравшись у домов, разговаривают тихо, медлят отойти ко сну, за которым всегда стоит неизвестность. Свет моря и неба позади домов, и дома и темные крыши их черны и остры, и нет перспективы: и дальние и близкие стоят рядом, как бы входят один в другой, обнимаются крышами и стенами, жмутся друг к другу, охваченные тем же беспокойством вечной неизвестности. Тут же и маленькая церковь, боковая стена ее, сложенная грубо из гранитных необтесанных камней, с глубоким затавившимся окном.

Осторожный звук женских голосов, смягченных беспокойством и наступающей ночью.

– Сегодня можно спать спокойно. Море тихо, и прибой бьет как часы на колокольне у старого Дана.

– Они придут с утренним приливом. Муж сказал, что они придут с утренним приливом.

– А может быть с вечерним: лучше думать так, чтобы не ждать напрасно.

– Но печь надо топить.

– Когда мужчин нет в доме, то не хочется зажигать и огня. Я никогда не зажигаю огня, даже когда не сплю, мне кажется, что огонь приносит бурю. Лучше притаиться и молчать.

– И слушать ветер? Нет, это страшно.

– А я люблю огонь. Я и спать хотела бы при огне, но муж не позволяет.

– Почему не идет старый Дан? Уже пора вызванивать часы.

– Сегодня Дан будет играть в церкви: он не терпит тишины, как сегодня. Когда море ревет, Дан прячется и молчит – он боится моря. Но стоит волнам умолкнуть, Дан тихонько выползает и садится за свой орган.

Женщины тихо смеются.

– Он упрекает море.

– Жалуется на него Богу. Он очень хорошо жалуется: хочется плакать, когда он рассказывает Богу о погибших в море. Мариэтт, ты видела сегодня Дана? Отчего ты молчишь, Мариэтт?

Мариэтт, приемная дочь аббата, в доме которого живет и старый Дан, органист. Задумавшись глубоко, Мариэтт не слышит вопроса.

– Мариэтт, ты слышишь? Анна спрашивает тебя, видела ты сегодня Дана?

— Да, кажется. Не помню. Он в своей комнате. Он не любит уходит из комнаты, когда отец уезжает на рыбную ловлю.

— Дан любит городских священников. Он никак не может привыкнуть к тому, что священник ловит рыбу, как простой рыбак и уходит в море с нашими мужьями.

— Он просто боится моря.

— Как хотите, но, по моему мнению, у нас — самый лучший в мире священник.

— Это правда. Я его боюсь, но люблю, как отца.

— Прости меня Бог, но я гордилась бы и радовалась постоянно, если бы была его приемной дочерью. Слышишь, Мариетт?

Женщины тихо и ласково смеются.

— Ты слышишь, Мариетт?

Мариетт отвечает:

— Слыши. Но разве вам не надоело смеяться все над одним и тем же? Да, я его родная дочь — неужели это так смешно, что вы будете смеяться всю жизнь!

Женщины смущенно оправдываются.

— Но он сам смеется над этим.

— Аббат любит пошутить. Он так смешно говорит: моя приемная дочь, а потом бьет кулаком и кричит: родная, а не приемная. Пусть хоть лопнет папа от злости; а она моя родная дочь.

Мариетт. Я никогда не знала моей матери, но ей было бы неприятен этот смех. Я чувствую это.

Женщины замолкают. Равномерно и глухо с правильностью большого маятника, ударяющего о берега, бухает прибой. Все еще падает на небе неведомый город, объятый огнем и дымом, и все не может упасть; и ожидает море. Мариетт поднимает опущенную голову.

— Ты что хочешь сказать, Мариетт?

— А тот не проходил? — спрашивает Мариетт тихо.

Женщина пугливо говорит.

— Тише! Зачем вы говорите о нем, я его боюсь.

— Нет, не проходил.

— Прошел. Я видела из окна, как он проходил.

— Ты ошиблась, это был кто-нибудь другой.

— Кому здесь быть другому? И разве можно ошибиться, если хоть раз увидишь, как он шагает. Других таких шагов нет ни у кого.

— Так ходят морские офицеры, англичане.

— Нет, разве я не видала в городе морских офицеров? Они ступают твердо, но открыто, им может поверить и девушка.

— Ой, смотри!

Боязливый и осторожный смех.

— Нет, не смеяйтесь. Он идет и не смотрит под ноги, он ставит ногу так, будто сама земля должна бережно принять ее и поставить. А если камень? — у нас много камней.

— При ветре он не сгибается и не прячет головы.

— Ну, да. Ну, да. Он не прячет головы.

— Правда ли, что он красив? Кто видел его близко?

Мариетт. Я.

— Нет, нет, не говорите о нем, я всю ночь не усну. С тех пор, как они поселились на горе, в проклятом замке, я не знаю покоя, я умираю от страха. Да и вы также, сознайтесь.

— Ну, не все.

— Зачем они пришли сюда? Их двое — что им делать в нашей бедной стране, где только камни да море?

— Они пьют джин. Матрос каждое утро приходит за джином.

— Это просто пьяницы, которые не хотят, чтобы им мешали пить. Когда матрос проходит по улице, за ним остается такой запах, как будто пронесли открытую бутылку с ромом.

— Но разве это дело — пить джин? Я их боюсь. Где тот корабль, который привез их? Они явились с моря.

Мариетт. Я видела корабль.

Женщины изумленно расспрашивают ее.

— Ты? Отчего же ты ничего не говорила нам? Расскажи, что ты знаешь.

Мариетт молчит. Вдруг одна из женщин испуганно вскрикивает:

— Ай, смотрите! У них зажегся огонь. В замке огонь!

Налево, в полумиле от поселка, вспыхнул слабый огонь, красный уголек в синеве сумерек и дали. Там на высокой скале обрывающейся к морю, стоит древний замок, жуткое наследие седой и таинственной старины. Давно разрушенный, давно мертвый, он сливается со скалою, продолжает и обманчиво заканчивает ее зубчато-ломанной линией своих бойниц, провалившихся крыши, полуосыпавшихся башен. Сейчас и скалы, и замок одеты дымчатой пеленой сумерек и дали, воздушны, лишены тяжести и почти также призрачны, как те чудовищные громады зданий, что громоздятся и распадаются бесшумно в высоком небе. Но те падают, а этот стоит, и в сплошной синеве его закраснелся живой огонь — на него так же странно и жутко смотреть, как если бы в облаках зажгла огонь человеческая рука.

Повернув головы, испуганно смотрят женщины.

— Вы видите? — говорит одна. — Это еще хуже, чем огонь на кладбище. Кому нужен свет среди гробов?

Мариетт. Становится холодно к ночи, и матрос бросил сучьев в камин, вот и все. По крайней мере, я так думаю.

— А я так думаю, что аббат давно должен был пойти туда с кропилом.

— Или с жандармами! Если это не сам дьявол, то наверно один из помощников его.

— Нельзя спокойно жить с таким соседством.

— Страшно за детей.

— А за душу?

Две пожилые женщины поднимаются молча и уходят. Встает и третья, старуха:

— Нужно спросить у аббата: не грех ли еще и смотреть на такой огонь?

Уходит. Все большие дыму в небе, и все меньшие огня, и уже близок к своему темному концу неведомый город; сильнее и крепче пахнет море.

С земли идет ночь.

Повернув головы, женщины смотрят вслед ушедшей; и снова поворачиваются к огню.

Мариетт, заступаясь за кого-то, говорит тихо:

— В огне не может быть плохого. Огонь в свечах, что перед Господом.
— Огонь и в аду перед Сатаной, — сердито шамкает вторая старуха и уходит.
Теперь осталось четверо и все молодые, все девушки.
— Я боюсь, — говорит одна, прижимаясь к подруге.

Кончается на небе бесшумный и холодный пожар, разрушен город, разрушен на неведомая страна. Уже нет ни стен, ни падающих башен, — груда синевато-бледных исполинских тел безмолвно падает в бездну океана и ночи. Трепетными очами взглянула на землю молоденькая звёздочка; возле замка захотелось ей появиться из облаков и от невинного соседства темнее стал тяжелый замок, краснее и сумрачнее огонь в его окне.

— Прощай, Мариетт, — прощается девушка, та, что сидела одна и уходит.
— Пойдем и мы, становится холодно, — говорят те две и встают. — Прощай, Мариетт.

— Прощайте.

— Отчего ты одна, Мариетт? Отчего днем и ночью и в будни, и в веселый праздник ты одна, Мариетт? Ты любишь думать о своем женихе?

— Да, люблю. Люблю думать о Филиппе.

Девушка смеется.

— А видеть его не хочешь? Когда он уходит в море, ты часами смотришь на море; возвращается он — и тебя нет. Куда ты прячешься?

— Я люблю думать о Филиппе.

— Как слепой бродит он среди домов и все зовет: Мариетт! Мариетт! Вы не видали Мариетт?

Уходят, смеясь и повторяя:

— Прощай, Мариетт... Вы не видали Мариетт?.. Мариетт...

Девушка одна. Смотрит на огонь в замке. Прислушивается к тихим и нерешильным шагам.

Из-за церкви справа выходит старый Дан, невысокий, сухой, кашляющий старик с бритым лицом. От нерешильности ли или оттого, что слаб глазами, идет он неуверенно, к земле прикасается осторожно и с некоторым страхом.

— Ого! Ого!

— Это ты, Дан?

— Я.

— Море тихо, Дан. Ты будешь сегодня играть?

— Ого! Семь раз я ударю в колокол. Семь раз я ударю и отошлю Богу семь Его святых часов.

Берет веревку от колокола и отбивает часы — семь звонких и долгих ударов. Ветер играет с ними: роняет на землю, но, не дав коснуться, подхватывает нежно, покачивает тихо и с легким присвистом уносит в глубину темнеющей земли.

— Ох, нет! — бормочет Дан. — Плохие часы, они падают на землю. Это не его Святые часы и Он отдает их назад. Ой, идет буря! Господи, сжался над погибающими в море.

Бормочет, кашляет.

— Дан, сегодня я опять видела корабль. Ты слышишь, Дан?

— Много кораблей уходит в море.

– Но этот на черных парусах. Он опять шел на солнце.

– Много кораблей уходит в море. Послушай, Мариетт: был один умный царь – ой, какой умный! – и он приказал высечь море цепями. Ого!

– Я знаю, Дан. Ты говорил.

– Ого, цепями! Но он не догадался окрестить океан – зачем он не догадался, Мариетт? Ах, зачем он не догадался. Теперь нет таких царей.

– Что же тогда было бы, Дан?

– Ого!

Шепчет тихо:

– Уже окрещены все реки и ручьи и даже многих стоячих болот коснулся крест Господень, и только он остался – скверная соленая, глубокая лужа.

– Зачем ты его бранишь, он не любит этого, – упрекает Мариетт.

– Ого! Пусть не любит, я его не боюсь. Он думает, что он тоже орган и музыка Богу, это он – скверная, свистящая бешеная лужа! Соленый плевок Сатаны. Тыфу! Тыфу! Тыфу!

Идет к входным дверям церкви, сердито крякая, грозясь и словно торжествуя какую-то победу:

– Ого! Ого!

– Дан!

– Иди домой.

– Дан! Отчего ты не зажигаешь огня, когда играешь? Дан, я не люблю моего жениха. Ты слышишь, Дан?

Дан неохотно поворачивает голову.

– Я уже давно слышу это, Мариетт. Скажи отцу.

– Где моя мать, Дан?

– Ого! Опять ты бесьишься, Мариетт? Ты слишком много смотришь на море – да. Вот я скажу, скажу отцу, да.

Скрывается в церкви, откуда вскоре доносятся звуки органа; слабые в первых протяжных, тяжело задумчивых аккордах, они быстро крепнут. И страстной тоскою своих человеческих напевов уже борются они с глухой и сумрачной тоской неутомимого прибоя. Как чайки в бурю рыскают звуки между высоких валов и выше подняться не могут на крыльях отягченных; держит их вечный и грозный океан в пленах своих диких и извечных чар. Но поднялись они – и уже глуще шумят опустившийся океан; еще выше – и уже бессильно колышется внизу тяжелая, почти безгласная громада; звучат иные голоса в просторе светозарных далей. Одна тоска у дня, другая тоска у ночи – и вечным рабом вдруг кажется гордый, вечно мятущийся, черный океан.

Прижавшись щекою к холодному камню стены, слушает одинокая Мариетт и примиряется с чем – то, тоскуя все тише. Но вот звучат по дороге твердые и упорные шаги, скрежещет мелкий камень под крепкою стопою – и из-за церкви выходит он. Идет он медленно и строго, как те, кто не даром шатается по земле и знает оба ее конца: шляпу держит в руках, думает о чем-то, глядя перед собою. На широких плечах круглая, крепкая голова, с короткими волосами; темный профиль суров и повелительно-надменен; – и хотя одет человек в полувоенную одежду, но не подчиняет тело дисциплине одежды, а владеет ею как свободный. Складки ложатся покорно, не смеют иначе – согнется их, где надо, спокойно-сильное тело.

Приветствует его Мариетт:

— Добрый вечер.

Он, уже отошедший далеко, останавливается и медленно поворачивает голову. Выжидательно молчит, точно жалея рассстаться с безмолвием.

— Это мне сказано: добрый вечер? — спрашивает наконец.

— Да, это вам. Добрый вечер.

Он молча смотрит.

— Ну, добрый вечер. Меня первый раз приветствуют в этой стране, и я удивился, услыхав твой голос. Подойди ближе. Отчего ты не спишь, когда все спят? Ты кто?

— Я дочь здешнего аббата.

Он засмеялся:

— Разве у попов бывают дети? Или в вашей стране особенные попы?

— Да, особенные.

— Теперь я вспоминаю: Хорре что-то рассказывал мне про здешнего попа.

— Кто этот Хорре?

— Мой матрос. Ну, тот, что покупает у вас джин...

Он снова несколько неожиданно засмеялся и продолжал:

— Да, он рассказывал что-то. Это твой отец проклял папу и назвал свою церковь свободной?

— Да.

— И сам сочиняет молитвы? И сам с рыбаками ходит в море? И своими руками наказывает тех, кто его не слушается?

— Да. Я его дочь. Меня зовут Мариетт. А как зовут вас?

— У меня много имен. Какое же тебе назвать?

— То, которым вас крестили.

— А почему ты думаешь, что меня крестили?

— Тогда то, которым называла вас мать.

— А почему ты думаешь, что у меня была мать? Я не знаю своей матери.

Мариетт говорит тихо:

— Я также не знаю своей матери.

Оба молчат и дружелюбно рассматривают друг друга.

— Так вот как! — говорит он. — Ты тоже не знаешь матери. Ну, что же! зови меня тогда Хаггарт.

— Хаггарт?

— Да. Тебе нравится имя? Я его сам придумал: Хаггарт. Жаль, что тебя уже назвали, я бы придумал тебе хорошенькое имя.

Вдруг он хмурится:

— Скажи, Мариетт, отчего ваша страна так печальна? Я хожу по вашим тропинкам и только камешки скрежещут под ногою. А по сторонам стоят большие камни.

— Это по дороге к замку, у нас туда никто не ходит. Правда, что эти камни останавливают прохожих вопросом: кто идет?

— Нет, они немые. Отчего твоя страна так печальна? Уже неделя, как я не вижу своей тени — это невозможно! — я не вижу своей тени.

— Нет, наша страна очень весела и радостна. Сейчас еще зима, а вот придет весна и с нею вернется солнце. Ты его увидишь, Хаггарт.

Он говорит с пренебрежением:

— И вы сидите и ждете спокойно пока оно придет? Хорошие же вы люди. Ах, если бы у меня был корабль!

— Что же тогда?

Он хмуро смотрит и недоверчиво качает головой.

— Ты слишком любопытна, девочка. Тебя кто-нибудь подослал?

— Нет. Зачем же вам нужен корабль?

Хаггарп добродушно и насмешливо смеется:

— Она спрашивает, зачем человеку корабль? Хорошие же вы люди: не знают, зачем человеку корабль, — и вдруг говорит серьезно: если бы у меня был корабль, я погнался бы за солнцем. И сколько бы не ставило оно своих золотых парусов, я нагнал бы его на моих черных. И заставил бы нарисовать на палубе мою тень. И стал бы на нее ногою — вот так!

Твердо пристукнул он ногою. Мариетт осторожно спрашивает:

— Вы сказали — на черных парусах?

— Это я так сказал. Зачем ты все спрашиваешь? У меня нет корабля, ты знаешь. Прощай.

Надевает шляпу, но не уходит. Мариетт молчит, и он говорит совсем сердито:

— Тебе, может быть, нравится и это, что играет ваш старый Дан, старый глупец?

— Вы знаете, как его зовут?

— Мне Хорре сказал. А мне не нравится, нет, нет. Приведи сюда хорошую честную собаку, или зверя и он завоет. Ты скажешь, он не знает музыки — нет, он знает, но он не выносит лжи. Вот музыка, слушай!

Берет Мариетт за руку и грубо поворачивает ее лицом к океану.

— Слышишь? Вот музыка. Твой Дан обворовал море и ветер — нет, он хуже чем вор — он обманщик! Его нужно бы повесить на рее, твоего Дана! Прощай.

Идет, но, сделав два шага, оборачивается.

— Прощай, я тебе сказал. Иди домой. Пусть этот дурак играет один. Ну — иди.

Мариетт молчит, не двигаясь. Хаггарп смеется:

— Ты не боишься ли, что я забыл твое имя? Нет, я запомнил, тебя зовут Мариетт. Иди, Мариетт.

Она говорит тихо:

— Я видела ваш корабль.

Хаггарп быстро подходит и наклоняется к ней; лицо его страшно.

— Это неправда. Когда?

— Вчера вечером.

— Это неправда! Куда он шел?

— На солнце.

— Вчера вечером я был пьян и спал. Но это неправда. Я ни разу не видел — ты испытываешь меня. Смотри!

— Мне сказать вам, если я еще раз увижу?

— Как же ты можешь сказать?

— Я приду к вам на гору.

Хаггарп внимательно смотрит на нее.

— Если только ты не лжешь. Какие люди в вашей стране, лживые или нет? В тех странах, какие я знаю, все люди лживые. Другие видели корабль?